

## ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

### ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 130.2:316.74

DOI: 10.20323/1813-145X-2022-4-127-186-195

EDN: OPACDF

#### Институты как социокультурный феномен

Лев Абрамович Закс<sup>1✉</sup>, Наталья Алексеевна Стрижкова<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Доктор философских наук, профессор, ректор АНО ВО «Гуманитарный университет»; профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина». 620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19

<sup>2</sup>Начальник отдела научных и издательских проектов ФГБУК «Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства». 127473, г. Москва, Делегатская ул., д. 3

<sup>1</sup>rector@guniver.ru<sup>✉</sup>, <https://orcid.org/0000-0003-1219-3404>

<sup>2</sup>n\_alex\_st@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4302-7225>

**Аннотация.** В социогуманитарных науках широкое применение получил институциональный подход. Статья предлагает осмысление института с позиций культурологии — как необходимого социокультурного феномена. Во-первых, дается объяснение социокультурной природы институтов и институционализации. Показано, что в логике культурологии само общество как совместная жизнь и деятельность людей является порождением культуры, ее особой, социально организующей, подсистемы. Последняя создает внебиологические (внегенетические) формы совместного деятельного существования людей и коллективов, стабильной системы их отношений. Фундаментальной, всеобщей для общества формой совместности как способа организации и воспроизводства коллективной деятельности людей выступают создаваемые культурой институты. Показано базовое значение организационной (упорядочивающей) функции институтов, а также других важнейших их функций: социальной интеграции, управления (регуляции) и социализации индивидов. Отмечаются множественные позитивные эффекты институционализации для всех сфер общественной жизни.

Во-вторых, в статье рассмотрены основные онтофункциональные свойства институтов, как «общекультурные», так и специфические. Отмечается несводимость созданных культурой форм социальной организации к институтам; основанием такой неправомерной редукции, по мнению авторов, выступает понимание института как нематериальной системы норм и ценностей.

Авторы отстаивают противоположный взгляд, видя важнейшую особенность институтов именно в материальном характере этого типа организации: институт — объективированный, материально воплощенный конструкт-установление, реализованный в «теле» материальной организации порядок деятельности и отношений со своим реальным хронотопом. В составе институтов выделяются универсальные, но разноприродные компоненты: материальные, к которым, наряду с материальной организацией, относятся вещно-инструментальные («технические») средства совместности; информационные, включающие цели, ценности и нормы («хартия», по Б. Малиновскому), а также институциональное самосознание (идеологию), что в целом образует программное основание деятельности института; энергетические, или силовые, в том числе материальные, психические и духовные, обеспечивающие институциональную «волю», императивный характер, то есть власть институтов. Для эффективной реализации функций и властных механизмов институтов их состав включает в себя особых субъектов-управленцев (еще одна существенная их особенность). И все эти компоненты образуют целостную онтофункциональную систему.

**Ключевые слова:** институт; культура; социально-организующая подсистема культуры; институционализация; институт как организационная форма; функции институтов; институциональная организация; материальные; компоненты институтов

Для цитирования: Закс Л. А., Стрижкова Н. А. Институты как социокультурный феномен // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 4 (127). С. 186-195. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-4-127-186-195>. <https://elibrary.ru/opacdf>

## THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

### THEORETICAL ASPECTS IN STUDYING CULTURAL PROCESSES

Original article

#### Institutions as a sociocultural phenomenon

Lev A. Zaks<sup>1✉</sup>, Nataliya A. Strizhkova<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Doctor of philosophical sciences, professor, rector of ANO HE «Humanitarian university»; professor, department of history of philosophy, philosophical anthropology, aesthetics and theory of culture, FSAEI HE «Ural federal university named after First President of Russia B. N. Yeltsin». 620049, Yekaterinburg, Studencheskaya st., 19

<sup>2</sup>Head of department of scientific and publishing projects, FSBIC «All-Russian museum of decorative, applied and folk art». 127473, Moscow, Delegatskaya st., 3

<sup>1</sup>rector@guniver.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1219-3404>

<sup>2</sup>n\_alex\_st@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4302-7225>

**Abstract.** In social and human sciences, an institutional approach has become widely applicable and influential. The paper suggests insights into the institution from the culturological perspective — as an essential sociocultural phenomenon. First, the authors explain a sociocultural nature of institutions and institutionalization. They demonstrate that in the logic of cultural studies, the society itself as a joint life and activity of people is a product of culture, its special, socio-organizing subsystem. The latter creates extra-biological (extra-genetic) forms of operational co-existence of people and collectives, a sustainable system of their relationships. For a society, a fundamental, universal form of being-in-common as a way to organize and reproduce the human collective activity is institutions established by culture. The authors also show the basic significance of an organizing (order-producing) function of institutions as well as the necessity of their other essential functions: social integration, guidance (regulation), and socialization of individuals. The paper highlights multiple positive effects of institutionalization for all spheres of public life. Second, the paper considers general onto-functional properties of institutions, both ‘all-cultural’ and specific ones. The authors emphasize the irreducibility of culturally-created forms of social organization to institutions; they argue that the understanding of an institution as an intangible system of norms and values acts as the foundation for this unjustified reduction. The authors advocate the opposite view seeing the most significant feature of an institution precisely in the material character of this type of organization: the institution is an objectified, materially-embodied construct — establishment, an order of activities and relations with its real chronotope implemented in the ‘body’ of the material organization. The paper singles out universal, but heterogeneous components in the composition of institutions. Material components along with the material organization include physical-instrumental (‘technical’) means of being-in common. Information-based ones embrace goals, values and norms (‘charter’, by B. Malinowski), and institutional identity (ideology), which, in its entirety, shape the flagship base of the institutions activity. Energetic or power components involving material, mental, and spiritual ones provide institutional ‘will’, their imperative character, i.e. the power of institutions. The composition of institutions comprises special actors-managers (one more essential feature of institutions) to effectively implement their functions and power mechanisms. All these components form an integral onto-functional system.

**Keywords:** institution; culture; socially-organizing subsystem of culture; institutionalization; institution as an organizing form; material nature of institutional organization (order); material; information; energetic (power) components of institutions

For citation: Saks L. A., Strizhkova N. A. Institutions as a sociocultural phenomenon. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2022;(4): 186-195. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-4-127-186-195>. <https://elibrary.ru/opacdf>

#### Введение

Одним из наиболее заметных трендов в социогуманитарных науках последнего полувека, несомненно, является утверждение институционального подхода. Его развивают в таких «базис-

ных» науках об обществе, как экономика, политология, социология, где возникли специальные исследовательские направления: институциональная экономика [Норт, 2010; Грейф, 2013; Институциональная экономика, 2005], политология [Институциональная политология ... , 2006],

социология [Гидденс, 2003; Штомпка, 2010; Эльстер, 2011]. Но этот процесс затронул и гуманитарные науки: литературоведение [Зенкин, 2012; Венедиктова, 2018], искусствоведение [Гилен, 2015; Грав, 2016; Буррио, 2016; Гройс, 2020], религиоведение [Элбакян, 2011; Филлипов, 2022]. В силу специфики задач социологии эта наука захватила лидерство в концептуальной апроприации и исследовании институтов. Именно она придала институциональному плану/аспекту социальных систем универсальный характер. И, видимо, в силу этого выделение институционализации самых разных сфер общественной жизни стало прочно ассоциироваться именно с социологией этих сфер. Так, институциональные аспекты рыночной экономики ассоциируются с экономической социологией [Радаев, 2005; Западная экономическая социология, 2004]), а институциональная сторона «сферы культуры» — прерогатива социологии культуры [Сибрук, 2020; Хезмондалш, 2014], в том числе социологии искусства [Дуков, 2001; Гудков, 2004]. Цель этой статьи — показать социокультурную природу и характеристики институтов с позиций культурологии.

### Социокультурная природа институтов

Культурология — наука не только много более молодая, чем социология, но и до сих пор не вполне определившаяся со своим объектом и предметом. Несмотря на накопленный культур-философией и конкретными науками о культуре опыт, многие ее творцы и «потребители» до сих пор не в полной мере осознали фундаментальный и универсальный характер феномена культуры для общества и человека. До сих пор в силе «ведомственный» взгляд на культуру, сводящий ее к искусству и «примыкающим» к нему музеям, библиотекам, театрам (сами работники искусства с удовольствием называют свою деятельность «культурой»). Но и взгляд многих культурологов (а также философов, социологов) часто ненамного шире. Они продолжают традицию классического идеализма, сводившего культуру к сфере духа, правда, заменив его терминологию более современной («информация»), хотя и не всегда более точной («смыслы») — любимое слово современных культурологов, как и почти всех гуманитариев).

Результатом такого положения вещей стало, кроме прочего, сохранение «однобокого» понимания фундаментальной проблемы соотношения общества и культуры, социального и культурно-

го. Это понимание, несомненно, родилось в рамках социологии и сводится (если коротко) к признанию общества первичным по отношению к культуре, ее творцом-субъектом, а она сама оказывается вторичным по отношению к обществу его «инструментом» (совокупностью инструментов): ценностей, норм, традиций, режиссуры — особых практик [Парсонс, 1998; Смелзер, 1994; Гидденс, 2005; Штомпка, 2010]. При этом интересующие нас здесь институты рассматриваются как «чисто» социальные явления, как непосредственная материализация и выражение социальности, часто как просто ее синоним. Они если и вступают в отношения с культурой, то «извне»: как своего рода собственный ресурс социальности, помогающий культуре и выступающий именно социальным условием ее функционирования. Потому существующие в системе культуры институты, как и вся ее институционализация, закономерно оказываются «подведомственными» социологии (ее отраслевой субдисциплине — социологии культуры).

Совсем иная картина отношений общества и культуры и места институтов в этих отношениях возникает при понимании культуры как предельно широкого, всеохватного явления, определяющего и содержащего специфику общества и всех людей: как *внебиологического способа их существования и развития, заключающегося в деятельности на основе создаваемых ею же программ, средств и форм.*

С такой, культурологической, точки зрения общество, не запрограммированное в биогенетических программах людей, является порождением-созданием культуры, ее специально возникшей для этого социально-организующей подсистемы [Закс, 2016]. Именно последняя творит социум как целостность совместной деятельности и отношений людей, создавая для их системного существования-осуществления систему разномасштабных и разнофункциональных организационных форм, а также программ, запускающих и направляющих работу этих форм, место и активность людей в них. Одной из таких универсальных для мира людей «искусственных» (то есть внебиологического генезиса) форм совместного деятельного существования и выступают институты (наряду с формами общения и социального поведения). Они, таким образом, суть порождения культуры и часть этого интегрально-внебиологического способа существования людей, онтологически неотрывны от нее как функционирующей системы, то есть в полном

смысле выступают *феноменами культуры*. Так, напомним, мыслили институты классики культурологии Б. Малиновский [Малиновский, 2000] и М. С. Каган [Каган, 1996]. Но в то же время институты становятся органическими, сросшимися с ним формами жизни самого общества, плотными, прочными, самыми весомыми и опорными первоструктурами социальной ткани, ее активными участниками и репрезентантами общества и его субъектов. Примечательно, что обыденное сознание, даже имея словарь для обозначения/различения институтов, самые базовые из них от обозначения своих социальных общностей не отделяет: для него, например, «государство» — синоним страны, общества, нации. Поэтому институты с полным правом могут называться и *социальными феноменами*. И это прямотаки «модельный» пример онтофункционального неразрывного единства-слиянности общества и культуры, для выражения которого и выработан центральный и ключевой термин современных социогуманитарных наук — *социокультурный*, который адекватно характеризует и институты.

### Сущность институционализации

Из сказанного следует (и историческим опытом человечества подтверждается), что общество не существует без институтов, или что *институционализация* есть необходимое условие и универсальная закономерность существования и развития общества. Это сформулировал еще Б. Малиновский, а позже — Э. С. Маркарян [Маркарян, 1983]. «Институт» в переводе с латинского означает ‘установление’. И это слово фиксирует одновременно и процесс «установления» чего-то, и результат этого процесса: нечто «установленное», ставшее, построенное. О чем тут идет речь, что *устанавливается* и становится *установленным*? В чем качественная определенность и определенная же *непреложность* последнего (один из важных семантических аспектов «установления» — «постановление»)? Интересно, что тем самым институт онтофункционально, как бытийная «данность», оказывается родственным во всем остальном весьма далекой от него технике (= созданным культурой средствам воздействия на природные и культурные объекты), чью сущность онтологически протытывающий ее Хайдеггер описывает и характеризует как *постав* [Хайдеггер, 1993].

Для общества как «единораздельного целого» (А. Ф. Лосев) многих людей, их множественной совместности фундаментальна, прежде всего,

задача *организации*, то есть соединения, упорядочения и закрепления/стабилизации положения и отношений конкретных индивидуальных и групповых акторов-субъектов и их активностей. Э. Гидденс это называет *структуриацией* [Гидденс, 2003], что вполне точно, поскольку единство и порядок воплощаются и закрепляются в структуре. Эта задача, как и само «содержание» социальных систем, многомерна. Организации подлежат: а) индивидуальные субъекты; б) их объединения (которые еще нужно создать); в) процессы их активности (разных видов); г) сознание акторов как условие-основание любой социальности; д) образуемые этими взаимно необходимыми и потому неизбежно сопрягаемыми компонентами социума реальные сферы социокультурной жизни. Достижение фундаментальной цели организации социума идет разными путями — *полиморфно*, поскольку происходит на разных «участках» и «уровнях» социальной системы, применительно к разным объектам, специфика которых и определяет специфику *способа структуриации*. У осмысливающих этот социально-всеохватный фундаментальный процесс и его результаты социальных философов и социологов также разные ракурсы/способы его рассмотрения-описания. У Н. Лумана это идея «автопойезиса». У М. Фуко — власти и дисциплинарных практик, это «начало» власти реализующих. У П. Бурдьё — «полей» (идея, уже предполагающая предметную конкретику и организованность определенных сфер) и «габитусов» (самый сокровенный уровень организации — через тотальную социализацию человеческого существа).

Задача организации подразумевает другие и дополняется другими, также требующими «установлений» (хотя и не только их — создание и бытие социума, повторим, обеспечивает более широкая и сложная по составу социально организующая подсистема культуры [Закс, 2012; Закс, 2016]). Это задачи интеграции (соединения людей в группы и коллективы и их сплочения «установлением» посредством реализации их нематериальной общности); управления (регулирования) структур и функций, процессов и результатов совместной жизни людей; социализации индивидов как условия их компетентного существования в обществе, функционирования в рамках институтов. Способность институтов решать названные весьма сложные задачи оказалась залогом их универсальной (для всех сфер социокультурной системы) жизнеспособности,

далеко выходящей за пределы базовых задач полифункциональности, плодотворности и эффективности. Вот как охарактеризовал эффективность институтов для экономики их знаменитый исследователь А. Грейф: «Полезные для общества институты способствуют сотрудничеству и действиям, увеличивающим благосостояние. Они создают фундамент рынков путем эффективного распределения, защиты и изменения прав собственности, обеспечения гарантий по контрактам и мотивирования специализации и обмена».

Хорошие институты также поощряют производство, благоприятствуя сбережениям, инвестициям в человеческий и физический капитал, развитию и применению полезных знаний. Они укрепляют мир, способствующий благосостоянию, поддерживают постоянные темпы роста населения, совместную мобилизацию ресурсов и полезную для общества политику, например, предоставления общественных благ» [Грейф, 2013]. Но и для художественной культуры, ее творческих процессов значение институтов ничуть не меньше. Несомненно, изобретение институтов — одно из наиболее гениальных абсолютных достижений культуры, сопоставимое с таким ее шедевром, как разделение деятельностей и обмен их продуктами.

Здесь необходимо одно важное «отступление». Институционализация (то есть организация посредством институтов) представляется не единственной формой социокультурной самоорганизации. Теоретическим основанием чрезмерно широкого, по нашему мнению, взгляда на институт служит его понимание как устойчивого комплекса норм. Парадокс: такого понимания придерживаются представители тех наук, что имеют дело с институтами с очевидно и ярко выраженными материальными сторонами (организацией и оснащением) и включенными в материальные процессы общественной жизни: экономические, политические, правовые [Норт, 1997; Аузан, 2014; Бержель, 2000; Шмерлина, 2008]. И наоборот, ученые, занимающиеся традициями и обычаями, на основании «нормативного» определения тоже попадающими в разряд «института» (этнологи, культурологи, историки, социальные психологи), как правило, не испытывают потребности называть и считать их институтами. Язык русской гуманитаристики тоже сопротивляется таким словосочетаниям, как «институт обычая», «институт традиции». А ведь институциональная «инфлюэнца» проникла даже в лите-

ратуроведение, и там заговорили об «институте жанра», «институте романа». Естественно, возникает задача уточнения понятия института и его предикатов.

### Основные свойства и компоненты институтов

Ряд свойств институтов связаны с тем обстоятельством, что институты существуют и работают в обществе — в поле совместного существования и деятельности людей. Поэтому некоторые универсальные свойства социальности (всякой) «достаются» и институтам, но не являются их исключительным достоянием и признаком. К таким относится, прежде всего, общение как межсубъектное взаимодействие. Без него не может быть непосредственного осуществления-воспроизводства отношений людей, которые отличают любое общество и любую его сферу. Институты также ассимилируют общение и «стоят» на нем, но ведь и «не-институты» — тоже. К таким же признакам можно отнести коммуникацию (как информационную связь), язык, сознание — без них не обходится ни один институт.

Однако и общение, и язык, и сознание, и деятельность, институционализируясь, существенно специфицируются. Гидденс говорит об «институционализированных практиках», «институционализированных свойствах», как раз и имея в виду предикаты социальной системы, задаваемые институциональной их организацией. Специфицируется и такая культурная универсалия информационно-регулятивного характера, как *норма, нормативность*. Язык, языковая (речевая) деятельность, скажем, это тоже устойчивая система норм — просто для того, чтобы все понимали друг друга. Но ведь язык — первоатом общества, живущий в любой его человеческой и межчеловеческой «точке», но он — не институт. Это притом, что в определенных обществах и культурах сам язык и его нормативная сторона опираются на поддержку общих институтов (таких, как государство) и институтов специальных (каким, например, была созданная Ришелье Французская академия — институт властного обеспечения, нормативного утверждения и защиты языка и литературы, грамматики, поэтики и эстетики всей сферы национальной словесности).

Что же делает со всеми этими универсалиями культуры институт? Какой спецификой наделяет он их и в какой специфический комплекс (систему) соединяет? Общая необходимость и роль ин-

ституционализации понятны. Важны ее особое место и роль — на фоне других способов самоорганизации и воспроизводства общества. Понимание этой специфики подсказывается известной, в общем, «феноменологией» институтов. Поэтому прежде уточнения вопроса «зачем?» зададимся вопросом «что?». Попробуем выделить ряд заметных и существенных свойств-признаков институтов.

Начнем с базовых «условий существования»: пространства и времени. Где и когда есть институты? В обществе — везде и всегда. В любых общественных сферах — на основе любых видов деятельности («социальных практик»); в любых странах и регионах. Причем ключевые и наиболее универсальные институты не имеют пространственной ограниченности и замкнутости. Во временном плане они «длинные», длительные, отличаются значительной продолжительностью существования. Как социальные формы институты соизмеримы со своим сущностным (деятельностным) содержанием и его субъектами: там, где есть деятельность и ее субъекты, есть и институты, без которых содержание неосуществимо. Поскольку деятельность локализуется, институты пространственно «районированы» по зонам-локусам. Фактически эти зоны, или сферы, они и создают (что является одной из задач институтов и причиной их существования). Но в их рамках институты имеют трансвременной характер, создавая свой особый темпоральный и событийный план.

Это не значит, что у институтов нет временных границ. Они перестают существовать вместе с обществом, которому дают свершиться-состояться-сбыться и материально-структурным «телом» которого являются. Конец одних и начало других институтов — моменты перелома, скачки в развитии; радикальные (качественные) метаморфозы формально тех же, а на деле уже других, институтов. Традиция в этом смысле более пластична, всепроникающа, жизнеспособна. Она может жить в разные эпохи, в разных институциональных системах.

Особо следует выделить *материальность способа существования* институтов. Эта онтологическая особенность обращает нас к их главной сущностной характеристике: быть *материальной формой организации* (= материально-организационной формой) социальных практик и отношений разных субъектов, то есть формой организации прежде всего материально-практических аспектов социальности и социаль-

ных практик. Институты — генераторы фундаментальных групповых порядков и форма их материальной объективации-закрепления. Поэтому институт — и процесс организации как генерирования порядка, и ее результат: осуществленный в социальном пространстве и времени *порядок* определенных практик и отношений. Устойчивый и всеохватный. Устанавливающий определенные пространственно-временные и деятельностные рамки, конфигурации и «колеи» отношений, их и их акторов диспозиция, соположенность; устойчивые типы поведения и стандартов, практик и взаимодействий.

И это, повторим, не только «имплицитный», идеально-информационный порядок, но, прежде всего, порядок, практически реализованный (реализуемый) в материальном мире, сделавший нечто фактом материально-практического мира культуры. Именно материально-практическая природа и характер институтов/организаций и обеспечиваемых ими порядков объясняет несводимость институтов к идеально-информационной программно-нормативной стороне.

В целом же в системном составе институтов можно выделить следующие универсальные, но специфические по содержанию и онтологическому субстрату компоненты/способы институциональной организации и регуляции:

### 1. Материальные, включающие

– *организационные*, уже выделенные и охарактеризованные нами отдельно — в качестве главной и отличительной особенности институтов. Что представляют собой онтологически, или как можно себе представить материально-организационные формы как сущность и «костяк» институтов? Мы предлагаем понимать их как *объективные сверхчувственные конструкции/конструкты* со своей внутренней логикой и строением (архитектоникой), внешне (чувственно) реализуемые на/в субстратах (предметном материале) базовых для данного института деятельностей, их акторов и технических средств (инструментов). Видеть или осязать эти конструкции нельзя, но (используя слова М. М. Бахтина о примере такой конструкции — сверхчувственном государстве [Бахтин, 1975]), «мы ответственно имеем дело» с такими конструкциями-институтами;

– *материально-вещные*: системы материальных средств-инструментов-техник: орудия труда, материалы, здания, транспорт, носители информации и т. п., помимо воздействия на объекты

деятельности и среду, обеспечения материальных и духовных процессов деятельности, оснащающие и опосредующие порядок, участвующие в его формировании = его материальные «орудия» (исследованию вещных аспектов институционализации посвящены осуществляемые на основе «теории практик» исследования под руководством В. Волкова и О. Хархордина [Инфраструктура свободы ... , 2013]);

**2. Информационные** — в обществе связанные, прежде всего, с сознанием, психикой; отсюда, такие черты этого «механизма» организации и регуляции, как а) идеальный; б) ценностно-смысловой (восходящий к субъективности людей); в) нормативный (посредством идеальных императивных образцов-моделей) его характер (все три особенности, разумеется, едины, слитны). Система этих ценностно-нормативных компонентов образует *программно-технологический «блок»* (а метафорически говоря — мозг) институтов. Некоторые из них традиционного происхождения, но большая часть — осознанно сконструированы, обоснованы и артикулированы. И это еще одно важное отличие института от неинститута: формализованность институциональных норм — их «выделенность» посредством специального нормативного языка, рефлексивность и специальная легитимация.

Ценности и нормы, выражающие возможности и потребности, цели самих институтов и институционализированных акторов, — часть идеологии института, его в точном (идеологическом и кибернетическом) смысле *программа*. Не зря Б. Малиновский торжественно-возвышенно назвал ее *хартией* [Малиновский, 2000]. Ценностно-нормативной регуляции (императивной унификации, контролю, изменению) подлежит весь социопрактический хронотоп института: его природопреобразующие практики, отношения между акторами и группами акторов, их внутренний мир (сознание, самосознание, бессознательное). Степень жесткости, плотности, полноты охвата, функциональной конкретности нормативной системы меняется в зависимости от исторического типа общества и культуры, от вида социокультурной сферы и институциональной организации. От этого же зависит и ценностно-смысловое преломление-оформление нормативных матриц и вытекающих из них, программируемых ими форм социальных отношений, практик и поведения.

**3. Энергетические, или силовые**, причем это начало (сила/энергия) может существовать и существует, действует и как материальное («телесное»), и как «психическое» (идеальное), и как особый качественный уровень идеального — «духовное».

Они обеспечивают усилие свершения организации, интеграции, регуляции и т. д.; преодоление сопротивления косной и активной среды, самих объектов управления; доведение их до нужных свойств и параметров; контроль за их поддержанием и сохранением и, в итоге, создание нужной организации (порядка, единства, гармонии, справедливости) и достижения с ее помощью всех необходимых целей. Все вместе это силовое (энергетическое) господство-принуждение, или механизм власти. Духовная власть, власть авторитета и определенных ценностей, духовных состояний и воздействий, конечно, также имеет место в институциональных практиках, но эта очень важная сторона регуляции опирается на материальную силу, на властное давление-принуждение, апеллирует к ней и ею «прикрывается» и «подпирается». Чем сложнее деятельность, чем многограннее и в целом сложнее отношения, чем более велик масштаб организуемых акторов («объем действующей массы», по Марксу), тем больших усилий требует организация. Тем, следовательно, большую роль играет властно-силовой регулятор внутри института. К тому же он будет опираться на авторитет и силу внешних «соприродных» и релевантных факторов, прежде всего внешних — по отношению к данному — институтов, так сказать, *метаинститутов*, институтов-«родителей», опекунов и т. п. Названные выше материально-вещные средства — орудия этой воли и этой силы, ее каналы-проводники. Само же силовое начало реализуется как специальные практики власти, направленные на основную деятельность (содержание институтов) и на управление (в том числе принуждения и санкции).

Но у этой институциональной воли должно быть «начало», исходный пункт: субстрат-носитель и руководитель. Поэтому у институтов есть то, чего нет у других способов организации совместной жизни и индивидуального социального поведения людей: *особые субъекты управления-власти* — главные действующие лица институтов и институций и осуществляемая ими управленческая деятельность.

Ориентация, регуляция, контроль, подчинение, словом, управление институтом требует не

только участия субъекта-руководителя, но и определенного институционального и метаинституционального, шире — социально-мировоззренческого сознания, что можно с полным правом назвать *институциональным самосознанием*. А с учетом его ценностно-познавательной, мотивационно-побудительной и проектной составляющих — *институциональной идеологией* (об этом писал еще Б. Малиновский). Эта идеология, чтобы быть действенной, должна проникнуть в сознание акторов, контролируемых данным институтом, и стать их собственным сознанием, самосознанием, системой личных ценностей, побуждений и убеждений.

Здесь хорошо видно, что силовая сторона и «питается», и «питает» программный «блок». Но также онтофункционально связаны с ними оба модуля материального блока, что манифестирует единую структуру и, соответственно, системность института.

#### Библиографический список

1. Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. Москва : Манн, Иванов и Фарбер, 2014. 160 с.
2. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва : Худож. лит., 1975. С. 6-71.
3. Бергель Ж-Л. Общая теория права. Москва : Издательский дом Nota Bene, 2000. 576 с.
4. Буррио Н. Реляционная эстетика. Постпродукция. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016. (Garage pro) 216 с.
5. Венедиктова Т. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. 280 с.
6. Гидденс Э. Социология. Москва : Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
7. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. Москва : Академический Проект, 2003. 528 с.
8. Гилен П. Бормотание художественного множества. Глобальное искусство, политика и постфордизм. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2015. (Garage pro) 288 с.
9. Грав И. Высокая цена: искусство между рынком и культурой знаменитости. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016. (Garage pro) 288 с.
10. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 536 с.
11. Гройс Б. Частные случаи. Москва : Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2020. 220 с.
12. Гудков Л. Д. Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин. Москва : Новое литературное обозрение, 2004. 350 с.
13. Дуков Е. В., Жидков В. С., Осокин Е. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Введение в социологию искусства : учебное пособие для гуманитарных вузов. Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. 256 с.
14. Закс Л. А. Общество в культурологическом дискурсе: К проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // Уральская философская школа: 50 лет — 50 имен. Екатеринбург : Изд-во Уральского института управления 2016. С. 296-309.
15. Закс Л. А. Социально-организующая культура и ее роль в историко-культурных исследованиях // Альманах кафедры эстетики и философии культуры СПбГУ. № 3 Юбилейный выпуск. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2012. С. 215-227.
16. Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев ; пер. М. С. Добряковой и др. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 680 с.
17. Зенкин С. Работы о теории: Статьи. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. 560 с.
18. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. Москва : ИСП РАН, 2006. 586, [3] с.
19. Институциональная экономика : учебник / под общ. ред. А. Олейника. Москва : ИНФРА-М, 2005. 704 с.
20. Инфраструктура свободы: общие вещи и *res publica* : коллективная монография. Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 352 с.
21. Каган М. С. Философия культуры. Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1996. 416 с.
22. Малиновский Б. Научная теория культуры. Москва : ОГИ, 2000. 208 с.
23. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. Москва : Мысль, 1983. 284 с.
24. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
25. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. Москва : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 256 с.
26. Парсонс Т. Система современных обществ. Москва : Аспект Пресс, 1998. 270 с.
27. Радаев В. В. Экономическая социология : учебное пособие для вузов. Москва : Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. 603, [5] с.
28. Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. Москва : Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. 240 с.



29. Смелзер Н. Социология. Москва : Феникс, 1994. 688 с.

30. Филиппов А., дьякон. Институциональный подход к социологическому изучению религии. URL: <http://platonist.narod.ru/podhodreligii.htm> (дата обращения: 25.04.2022).

31. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. Статьи и выступления. Москва : Республика, 1993. С. 221-238.

32. Хезмондалш Д. Культурные индустрии. Москва : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 456 с.

33. Шмерлина И. А. Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов // Социологический журнал. 2000. № 4. С. 53-69.

34. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. Москва : Логос, 2010. 664 с.

35. Элбакян Е. С. Институциональные характеристики религии — Москва, Узкое, сентябрь 2011 года // сайт Центра религиоведческих исследований. URL: <http://www.religiopolis.org/documents/3203-eselbakjanes-institutsionalnye-harakteristiki-religii-moskva-uzkoe-sentjabr-2011-goda.html> (дата обращения: 23.04.2022).

36. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук / пер. с англ. И. Кушнareвой. Москва : Изд. Дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. 472 с.

#### Reference list

1. Auzan A. Jekonomika vsego. Kak instituty opredel'ajut nashu zhizn' = Economics of everything. How institutions define our lives. Moskva : Mann, Ivanov i Farber, 2014. 160 s.

2. Bahtin M. M. Problema sodержanija, materiala i formy v slovesnom hudozhestvennom tvorčestve = The problem of content, material and form in verbal artistic creativity // Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let. Moskva : Hudozh. lit., 1975. S. 6-71.

3. Berzheľ Zh-L. Obshhaja teorija prava = General theory of law. Moskva : Izdatel'skij dom Nota Bene, 2000. 576 s.

4. Burrio N. Reljacionnaja jestetika. Postprodukcija = Relational aesthetics. Post-products. Moskva : Ad Marginem Press, 2016. (Garage pro) 216 s.

5. Venediktova T. Literatura kak opyt, ili «Burzhuaznyj čitatel'» kak kul'turnyj geroj = Literature as an experience, or «Bourgeois Reader» as a cultural hero. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 280 s.

6. Giddens Je. Sociologija = Sociology. Moskva : Editorial URSS, 2005. 632 s.

7. Giddens Je. Ustroenie obshhestva: Oчерk teorii strukturacii = Organization of society: An essay on the theory of structuring. Moskva : Akademicheskij Proekt, 2003. 528 s.

8. Gilen P. Bormotanie hudozhestvennogo mnozhestva. Global'noe iskusstvo, politika i postfordizm = The muttering of the artistic set. Global Art, Politics and Postfordism. Moskva : Ad Marginem Press, 2015. (Garage pro) 288 s.

9. Grav I. Vysokaja cena: iskusstvo mezhdru rynkom i kul'turoj znamenitosti = High price: Art between the market and celebrity culture. Moskva : Ad Marginem Press, 2016. (Garage pro) 288 s.

10. Grejġ A. Instituty i put' k sovremennoj jekonomike. Uroki srednevekovoj trgovli = Institutions and the path to modern economics. Lessons from medieval trade. Moskva : Izd. dom Vysšej shkoly jekonomiki, 2013. 536 s.

11. Grojs B. Chastnye sluchai = Special cases. Moskva : Ad Marginem Press: Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh», 2020. 220 s.

12. Gudkov L. D. Literatura kak social'nyj institut. Stat'i po sociologii literatury = Literature as a social institution. Articles on sociology of literature / L. D. Gudkov, B. V. Dubin. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 350 s.

13. Dukov E. V. Vvedenie v sociologiju iskusstva = Introduction to the sociology of art : uchebnoe posobie dlja gumanitarnyh vuzov / E. V. Dukov i dr. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2001. 256 s.

14. Zaks L. A. Obshhestvo v kul'turologičeskom diskurse: K probleme «kul'turnoe vs social'noe», ili kul'turologija vs sociologija = Society in cultural discourse: To the problem of «cultural vs social», or cultural studies vs sociology // Ural'skaja filosofskaja škola: 50 let — 50 imen. Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo instituta upravlenija 2016. S. 296-309.

15. Zaks L. A. Social'no-organizujushhaja kul'tura i ee rol' v istoriko-kul'turnyh issledovanijah = Socio-organizing culture and its role in historical and cultural research // Al'manah kafedry jestetiki i filosofii kul'tury SPbGU. № 3 Jubilejnyj vypusk. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2012. S. 215-227.

16. Zapadnaja jekonomicheskaja sociologija: Hrestomatija sovremennoj klassiki = Western economic sociology: A textbook of modern classics / sost. i nauch. red. V. V. Radaev ; per. M. S. Dobrjakovoj i dr. Moskva : Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2004. 680 s.

17. Zenkin S. Raboty o teorii: Stat'i = Works on theory: Articles. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 560 s.

18. Institucional'naja politologija: Sovremennyj institucionalizm i političeskaja transformacija Rossii = Institutional political science: modern institutionalism and political transformation of Russia / pod red. S. V. Patrusheva. Moskva : ISP RAN, 2006. 586, [3] s.

19. Institucional'naja jekonomika = Institutional economics : uchebnik / pod obshh. red. A. Olejnika. Moskva : INFRA-M, 2005. 704 s.

20. Infrastruktura svobody: obshhie veshhi i res publica = Freedom infrastructure: common things and res publica : kollektivnaja monografija. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 352 s.
21. Kagan M. S. Filosofija kul'tury = Philosophy of culture. Sankt-Peterburg : TOO TK «Petropolis», 1996. 416 s.
22. Malinovskij B. Nauchnaja teorija kul'tury = Scientific theory of culture. Moskva : OGI, 2000. 208 s.
23. Markarjan Je. S. Teorija kul'tury i sovremennaja nauka: logiko-metodologičeskij analiz = Cultural theory and modern science: logical and methodological analysis. Moskva : Mysl', 1983. 284 s.
24. Nort D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki = Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moskva : Fond jekonomičeskoj knigi «Nachala», 1997. 180 s.
25. Nort D. Ponimanie processa jekonomičeskich izmenenij = Understanding the process of economic change. Moskva : Izd. dom Gos. un-ta — Vysšej shkoly jekonomiki, 2010. 256 s.
26. Parsons T. Sistema sovremennyh obshhestv = The system of modern societies. Moskva : Aspekt Press, 1998. 270 s.
27. Radaev V. V. Jekonomičeskaja sociologija = Economic sociology : uchebnoe posobie dlja vuzov. Moskva : Izd. Dom GU VShJe, 2005. 603, [5] s.
28. Sibruk Dzh. Nobrow. Kul'tura marketinga. Marketing kul'tury = Marketing culture. Culture marketing. Moskva : Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh», 2020. 240 s.
29. Smelzer N. Sociologija = Sociology. Moskva : Feniks, 1994. 688 s.
30. Filippov A., d'jakon. Institucional'nyj podhod k sociologičeskomu izucheniju religii = Institutional approach to sociological study of religion. URL: <http://platonist.narod.ru/podhodreligii.htm> (data obrashhenija: 25.04.2022).
31. Hajdegger M. Vopros o tehnike = The Question on technology // Vremja i bytie. Stat'i i vystuplenija. Moskva : Respublika, 1993. S. 221-238.
32. Hezmondalsh D. Kul'turnye industrii = Cultural industries. Moskva : Izd. Dom Vysšej shkoly jekonomiki, 2014. 456 s.
33. Shmerlina I. A. Ponjatje «social'nyj institut»: analiz issledovatel'skih podhodov = The concept of «social institute»: analysis of research approaches // Sociologičeskij zhurnal. 2000. № 4. S. 53-69.
34. Shtompka P. Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva = Sociology. Analysis of modern society / per. s pol'sk. S. M. Chervonnoj. Moskva : Logos, 2010. 664 s.
35. Jelbakjan E. S. Institucional'nye harakteristiki religii = Institutional characteristics of religion — Moskva, Uzkoe, sentjabr' 2011 goda // sajt Centra religiovedčeskij issledovanij. URL: <http://www.religiopolis.org/documents/3203-eselbakjan-es-institucionalnye-harakteristiki-religii-moskva-uzkoe-sentjabr-2011-goda.html> (data obrashhenija: 23.04.2022).
36. Jel'ster Ju. Ob#jasnenie social'nogo povedenija: eshhe raz ob osnovah social'nyh nauk = Explanation of social behavior: once again about the basics of social sciences / per. s angl. I. Kushnarevoj. Moskva : Izd. Dom Gos. un-ta — Vysšej shkoly jekonomiki, 2011. 472 s.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 18.05.2022; принята к публикации 23.06.2022.

The article was submitted on 11.04.2022; approved after reviewing 18.05.2022; accepted for publication on 23.06.2022.